

А. А. Попов

Культурные особенности административной организации Греко-Бактрии

Статья посвящена административной системе Греко-бактрийского царства. Географическое и геополитическое расположение Греко-бактрийской державы располагало к тому, чтобы в руках представителей центральной власти было не только гражданское, но и военное управление. В условиях постоянной обороны границ наместники провинций и их районов должны были организовать защиту вверенных им земель и населения. При этом значительные посты могли занимать представители местной элиты. Сатрапы, стратеги, меридархи, фрурархи были не только администраторами, но и военными. Они были не только эллинского, но и индо-иранского происхождения. В период мирного затишья они должны были поддерживать материальную базу подчиненных им войск, совершать маневры, вербовку на службу. В военный период наместники могли выполнять функции полевого командира. В Греко-бактрийском царстве оформилась типично эллинистическая административная система. Она вообрала в себя черты европейской (эллинской) и восточной (иранской) культур. Они органично сочетались друг с другом в социальной, политической, экономической, военной сферах.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, эллинистическая армия, сатрапия, Греко-Бактрия, Бактрия, индо-греческие царства

Artem A. Popov

Cultural features of Greco-Bactrian administrative organization

The article is dedicated to the Greco-Bactrian kingdom administrative system. The geographic and geopolitical position of the Greco-Bactrian state disposed to the central staff representatives had not only civil but military control. Under permanent defensive conditions of the borders the governors had to organize a protection of lands and their civilians that they ruled by. At the same time the local aristocracy representatives had the opportunity to take up the important posts. Satrapes, strategists, meridarches, phrurarches were not only the administrators but the military men. They were both the Hellenic and the Indo-Iranian by birth. During the military operations absence they had to keep material resources of their forces, to train them, to recruit new ones. During the military operations the governors could be the field commanders. The typical Hellenistic administrative system was arranged in the Greco-Bactrian kingdom. This system included the cultural features of Europe (Greece) and the East (Iran) as well. These features blended together in social, political, economical and military spheres.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Hellenistic army, satrapy, Greco-Bactria, Bactria, Indo-Greek kingdoms
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-49-55

Культурные взаимодействия современности толкают ученых эпохи глобализации к исследованию сюжетов прошлого, которые могут служить примером. Одна из самых ключевых эпох в истории культурных контактов была эллинистическая, продлившаяся с вступления Александра III Великого на престол в Македонском царстве до рубежа эр, ознаменовавшимся началом истории христианства.

В древности Бактрия занимала самое сердце Евразии – долину реки Амударья, средоточие культурных процессов Центральной Азии, культурного перекрестка Ирана, Индии, Китая и степной зоны Евразии. Сегодняшний день местных жителей Афганистана, южных частей Таджикистана и Узбекистана не является безоблачным. Многие проблемы стоят перед жителями этого региона и требуют решения.

Один из самых болезненных вопросов касается культурного взаимодействия.

Он рождает не только межконфессиональные и межэтнические противоречия, но и политические, социальные конфликты, основанные на экономических проблемах. Разорение, которое принесено бесконечной гражданской войной, распадом государственных структур и политической напряженностью, толкает граждан центральноазиатских государств к миграции, поискам лучшей жизни в соседних странах.

Среди важнейших источников по данной теме следует вспомнить сведения античных авторов, прежде всего, Полибия, Страбона и Помпея Трога в переложении Юстина, нумизматические и археологические памятники.

При этом со времени выхода первой крупной специальной научной работы о Греко-Бактрии прошло двести восемьдесят лет. Автором ее был первый российский академик-гуманитарий Г. З. Байер. Его исследование, имеет полное название «История Бак-

трийского царства греков, в которой вместе с этим излагается древняя история греческих колоний в Индии» («Historia regni Graecorum Bactriani in qua simul Graecarum in India coloniarum vetus memoria explicatur»). Оно вышло в 1738 г. в Санкт-Петербурге в издательстве Академии наук.

Более двух столетий наука не обладала крупными археологическими находками. Лишь с 60-х гг. XX в. ученые смогли прикоснуться к античным сокровищам Афганистана и среднеазиатских республик бывшего СССР. Сегодня городище Ай-Ханум, храм в Тахти Сангине, цитадель Кампытепа, клад из Тилля-тепе и многие другие находки подтвердили сведения, содержащиеся у классиков античной литературы и отраженные в монетах царей Греко-Бактрии и индо-греческих государств.

Один из самых важных сюжетов при рассмотрении государственного устройства, и культуры в целом, затрагивает административную организацию. В Греко-бактрийском царстве деление на провинции и их более мелкие подразделения соединило в себе различные культурные традиции. В этой связи, касаясь процесса проникновения европейской и восточной тенденций в друг друга, важно рассмотреть типичную для эллинизма картину.

Один из значимых литературных пассажей о Греко-бактрийском царстве времени царя Евкратиды I Великого принадлежит перу греческого ученого Страбона, чей труд до нас дошел целиком. В этом отрывке говорится об административном делении Бактрии: «Завладевшие этой областью греки разделили ее на сатрапии; из них сатрапию Аспиона и Туриву парфяне отняли у Евкратиды. Они владели также Согдианой, расположенной выше Бактрианы по направлению к востоку, между рекой Оксом, отделяющей страну бактрийцев от Согдианы, и рекой Иаксартом. Иаксарт также образует границу с согдийцами и с кочевниками» (перевод Г. А. Стратановского) [1, с. 488].

Здесь мы встречаем четкое упоминание названий провинций Греко-бактрийского государства со статусом сатрапии. Указанный вид административного подразделения существовал со времени Ахеменидов. Персидские цари наделяли сатрапов, наместников этих областей, различными административными и военными полномочиями. В частности, сатрапы собирали налоги и войска. Нередко они лично возглавляли местные контингенты во время боевых действий. Среди бактрийских сатрапов, воевавших на стороне персид-

ской армии, хорошо известен Бесс. Произошло это благодаря его предательству Дария III, последнего царя династии Ахеменидов, воевавшего с македонским царем Александром Великим. Бесс, убив своего хозяина, сам себя провозгласил царем и рассчитывал на снисхождение и милость со стороны македонского владыки. Потом, попав в руки Александра, он был подвергнут жестокой казни.

Получив в свои руки империю Дария III, Александр не стал разрушать бывшее в державе Ахеменидов административное деление.

Такую традицию продолжили многие его преемники. Среди таких диадохов были и Селевкиды, обладавшие «Верхними сатрапиями», т. е. ключевыми территориями Восточного Ирана, включавшего Бактрию и Согдиану. После 305 г. до н. э. они были самыми восточными землями, принадлежавшими Селевкку I Никатору. Именно в этом году он заключил договор с индийским царем из династии Маурьев Чандрагуптой I и передал по нему свои индийские владения в обмен на династический брак и целую армию из пятисот слонов.

К середине III в. до н. э. потомки Селевка Никатора погрязли в братоубийственных войнах. На их престоле разразился династический кризис, шла гражданская война за обладание тронном. Ситуация усугублялась непрекращающимися Сирийскими войнами с Птолемеями, владыками Египта. Проблемы Селевкидов в Восточной части Средиземноморья оказались фатальными для империи. Восточные провинции, иранские сатрапии, находились под постоянной угрозой вторжения кочевников с севера, о чем указывал впоследствии греко-бактрийский царь Евтидем I на переговорах с селевкидским царем Антиохом III. Обороноспособность этих земель снижалась из-за проблем на западе державы Селевкидов. При этом сложно предположить, чтобы монархи этой империи прекратили использовать экономический потенциал столь богатого региона.

Для сатрапий восточной части сложилась подлинно революционная обстановка. Процессы дезинтеграции крупных имперских государственных образований, имеющих разный культурный облик на региональном уровне, происходят во времена затянувшихся внутренних и внешних катаклизмов. Руководствуясь логикой «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», элите иранских сатрапий пришлось осуществлять свое собственное спасение. Примерно в 256 г. до н. э. разразилось восстание, переросшее в борьбу за независимость.

В ходе свержения власти Селевкидов западная часть Ирана перешла в руки Аршака, предводителя скифского племени парнов. Таким образом, на многие столетия Аршакиды воцарились в Парфии и подтвердили опасения, касающиеся вторжения воинственных скифов в этот регион.

Бактрия и Согдиана стали вотчиной Диодота I, который был эллинского происхождения и являлся местным сатрапом. Таким образом, на территории восточных частей Ирана возникло государство под властью греков, которые могли на значительное время не только отстоять страну от врага, но и расширить свои владения за счет индийских провинций.

Греко-Бактрия – плод двух культурных традиций в политической сфере.

Первая является по происхождению иранской. Ведь когда-то существовала независимая Бактрия, которая попала в зависимость к своему западному соседу. При Александре Великом Бесс, сатрап Бактрии, осуществил попытку отделения от рухнувшей империи Ахеменидов. Сепаратизм был в крови местной элиты, которая долго сопротивлялась господству греко-македонских завоевателей. Восстание Спитамена – самый известный эпизод борьбы Александра с такими выступлениями. Македонский царь даже проводил политику выжженной земли. Его женитьба на Роксане, дочери местного крупного аристократа Оксиарта, способствовала нормализации обстановки.

Вторая является по происхождению эллинской. В культуре греков свобода считается огромной ценностью, которая может превосходить ценность физического существования, самой жизни. Примеры этому: казни Эзопа и Сократа. Восстания эллинских контингентов против власти македонских владык происходили в «Верхних сатрапиях» до появления Греко-бактрийского царства, но были подавлены. В обстоятельствах середины III в. до н. э. лозунг «Свобода или смерть» был неуместен. Рациональный подход должен был торжествовать. Следовало создавать новое государство. Оно рождалось на новых началах, в том числе используя культурный и политический опыт предыдущих времен, но реформируя под новые, во многом революционные, обстоятельства. Здесь правители Греко-Бактрии должны были вспомнить политику Александра Великого, применимую с учетом культурных особенностей региона. В противном случае родившееся государство было бы недолговечным.

Две политические традиции стали залогом успеха. Бактрийские эллины не были

многочисленны и не превосходили своей численностью местное население. Иранские аристократы прекрасно понимали необходимость в военном альянсе с местным греко-македонским населением.

В противном случае им пришлось бы бороться в одиночку с внешней угрозой и со стороны соседних Аршакидов, и со стороны бывших сюзеренов Селевкидов. Их внутренним противником становились колонисты-эллины. При этом последние могли бы стать грозным, хорошо организованным и вооруженным союзником одного из внешних врагов.

К тому же не исключено, что колониальная политика греков и македонян подразумевала заключение браков с местными иранскими кланами и создание новых семей смешанного типа. Поэтому противостояние между различными этносами Бактрии могло вылиться в гражданскую войну.

Греко-Бактрия времени Борьбы за независимость (середина III в. до н. э.) стала государственным зданием, построенным на эллинском и иранском фундаменте. Она прошла путь от сатрапии Ахеменидов, Александра и Селевкидов к независимой державе, эволюционировавшей во II в. до н. э. в многонациональную империю, включавшую в себя не только Бактрию и Согдиану, но и часть Индии.

Эти страны после образования независимости вошли в новую фазу своей административной организации. Управление из столицы в Бактрах должно было осуществляться с помощью разветвленной бюрократической системы. Наличие колонистов в крепостях, эллинистических полисов, подобных Ай-Ханум (Александрии на Оксе), традиционных городских центров, основанных иранцами, и сельских общин, населенных местным населением, диктовало сочетание и употребление новых синтетических подходов.

Бактрийские сатрапии, упомянутые Страбонам, не были старыми провинциями, принадлежавшими прошлым империям. Эти административные единицы явно были меньше по размеру.

Сама же Бактрия при Ахеменидах могла включать в свой состав сопредельные страны. Например, на границе с Индией находилась Гандхара, которая в VI в. до н. э. входила в состав бактрийской сатрапии. Только в 508 г. до н. э. она была выделена в отдельную административную единицу [2, с. 113].

Это касается и Согдианы, которая могла быть в некоторое время в подчинении одного

сатрапа. Сложно говорить о ее делении в составе Греко-Бактрии, тем более в связи с рассмотренным пассажем Страбона, в котором Согдиана рассматривается как целое. Существует вероятность, что она являлась целостной провинцией со статусом сатрапии.

Мы знаем, что первую династию Диодотидов в Греко-Бактрии сверг Евтидем, грек из Магнесии в Малой Азии. На переговорах с Антиохом III он упомянул, что он сверг «изменников» и истребил их потомство [3, с. 175–176]. Возможно, что здесь речь идет о том, что Диодот II, заключивший антиселевкидский союз с парфянами изменил общеэллинскому делу борьбе с варварами-скифами. При этом гипотетически можно предположить, что Евтидем был крупным вельможей в Греко-бактрийском царстве. Может быть он был наместником крупной области, т. е. сатрапии. В этом случае наиболее вероятный вариант его наместничества – Согдиана. Именно эта область могла стать опорой для нового монарха. Она граничила с миром скифов и вела постоянные боевые действия с кочевниками, обладая закаленными в боях контингентами. Однако это является лишь реконструкцией и предположением.

Время образования сатрапий в Греко-Бактрии точно не известно. Это могло произойти уже при первом царе Диодоте I. Второй вероятный вариант – при Евтидеме I. Последний мог это осуществить, памятуя свой способ прихода к власти. В любом случае разукрупнение провинций служило усилению центральной власти в столице. При первых Евтидемидах начинается экспансия Греко-Бактрии в сопредельную Индию. На Индостане существовали различные государственные образования. По этой причине в приобретенных землях могли образовываться новые административные единицы по образу и подобию греко-бактрийских. Вряд ли это была всего лишь одна в административном отношении монолитная территория. Тем более известно, что Страбон указывает, что бактрийские эллины обладали даже побережьем Индийского океана [1, с. 488].

Ко времени Евкратиды I Великого, который начал править еще в первой половине II в. до н. э., Бактрийское царство эллинов было разделено на многие сатрапии. Часть из них, как было показано Страбоном, стала добычей набирающего могущество Парфянского царства.

Сложно говорить о конкретных полномочиях сатрапа в управлении бактрийскими провинциями. Очевидно, что его резиденция

располагалась в одном из центральных городов вверенной ему местности. В его юрисдикцию могли входить полисы, катойкии (военные поселения), отдельные крепостные сооружения, сельские общины. В зависимости от социального статуса жители этих мест были обязаны нести повинности военного и гражданского характера.

При этом следует учитывать, что власть руководителя сатрапии в Греко-Бактрии была значительно меньше, чем таковая имела у сатрапов времени Ахеменидов и Александра Великого.

Недаром в период владычества персов некоторые правители областей имели царский статус, а сами Ахемениды называли себя «цари царей». После смерти Александра его преемники, по сути правители сатрапий, развернули борьбу друг с другом, в результате которой были образованы достаточно крупные державы уровня федераций. Вряд ли можно предположить такой же потенциал в руках сатрапа какой-либо греко-бактрийской сатрапии, какой была, например, у Селевка I Никатора, правителя Вавилонии.

При этом в эпиграфических текстах, литературе, нумизматике греко-бактрийских и индо-греческих царей не встречается титул «царь царей», при этом можно встретить следующие громкие эпитеты: «Бог», «Спаситель», «Великий», «Непобедимый» и другие. Это говорит о том, что наместники в государствах под управлением этих царей вряд ли имели царский статус, исключая соправителей из числа самых близких, например сыновей.

Нумизматический материал дает еще одну линию рассуждений. Во время восстания середины III в. до н. э. Диодот сначала чеканил монету с именем Антиоха, селевкидского царя и своего сюзерена. Будучи сатрапом провинции, он мог чеканить свой профиль в том числе на золотых и серебряных монетах [4, р. 147–149, pl. 1, ser. 1–4]. Потом он меняет имя Антиох на свое [4, р. 149–150, pl. 1, ser. 5–7], тем самым провозглашая свою не только финансовую, но и политическую автономию. Именно эта акция превращает его из сатрапа в царя.

После вступления на престол Евтидема I на монетах Греко-Бактрии и индо-греческих государств ни разу не встречается, наряду с именем и портретом правящего монарха, имя или портрет какого-либо наместника. Коммеморативные эмиссии часто путают с подобными чеканами, что является ошибочным. Все портреты и имена имеют царскую принадлежность, что видно или по дальнейшим

эмиссиям, или по имени, или по изображению диадемы, признака принадлежности к правящему дому. Это касается даже мелкой разменной монеты из бронзы или серебра.

Портрет, схожий с монетными изображениями Евтидема I, встречается на монетной эмиссии, на которой указано имя «Диодот», соседствующее с эпитетом «Спаситель» [4, р. 153, pl. 2, ser. 16G]. Скорее всего, Евтидем чеканил эти монеты, будучи или наместником провинции, или во время борьбы за власть.

Ограничение наместника сатрапии в финансовой сфере в Греко-бактрийской державе является явным. Скорее всего, льготы, которые могли получать эллинистические полисы, военные поселения, местные городские, сельские или иные общины, предоставлялись лишь с согласия царя или самим царем. Это должно было исключить попытки сепаратизма, который часто опирается на экономические ресурсы лидера центробежных сил.

Говоря о титулатуре наместника сатрапии следует провести культурные параллели с другими эллинистическими государствами. Многие из таких руководителей носили титул «стратег» (буквально «предводитель войска», «военачальник»). Это подчеркивало их значительный статус в войсках, которые они собирали и которыми они руководили. При этом данный эпитет мог подчеркивать связь с местными эллинами, которые были обязаны военной службой. В столь драматичное время, как период существования Греко-бактрийского царства, войны шли часто. В условиях военного времени статус командира обеспечивал наместнику провинции стабильность.

У нас нет прямых свидетельств наличия таких титулов в Греко-Бактрии и индо-греческих царствах. Монетные чеканы более позднего времени дают косвенные аргументы в пользу таких измышлений. На эмиссиях индо-скифов, которые многое заимствовали от предыдущих греко-бактрийских и индо-греческих монархий, встречаются такие титулы [5, р. 241–242].

Сатрапии в державе бактрийских греков могли иметь свое внутреннее деление. Когда эллины в I в. до н. э. утратили власть над Бактрией, их влияние сохранялось на Северо-Западе Индии. Там встречаются эпиграфические памятники, которые дают нам наименования отдельных областей провинции. Они называются мериды, что буквально означает «части». Их наместники называются меридархами, что буквально означает «предводители частей». Имена этих руководителей разного этнического происхождения. Один из них имеет

имя типично греческого происхождения – «Феодор» («Теодор», «Федор») или «Феодот» («Теодот», «Федот»). Другой, был буддистом, человеком, возможно, индо-иранского происхождения, чье имя не сохранилось [5, р. 242].

Удержание крепостей или городов греко-македонские войска осуществляли с помощью специально существовавших гарнизонов. Арриан в «Анабасисе Александра» говорит о том, что существовали в Бактрии в период раннего эллинизма фуруархи, что буквально означает «предводитель гарнизонов» [6, с. 115]. Этот античный автор отмечает, что Александр располагал гарнизоны на акрополях крупных бактрийских городов под командованием лиц из числа гетайров, так называемых «друзей», гвардии македонского царя [7, р. 32]. Можно с уверенностью сказать, что в Греко-бактрийском царстве должна была сохраниться такая должность, так как крупные города как экономические и административные центры имели цитадель. На примере Ай-Ханум (Александрии на Оксе) это хорошо можно проследить. В Согдиане, где всегда имела угроза вторжения номадов евразийских степей, существовали крепости для отражения внезапного нападения.

Пост фуруарха, на первый взгляд, должен был носить лишь военный характер. При этом, учитывая характер расположения гарнизонов в крупных городах и на отдаленных форпостах, эта должность имела важное политическое значение. Одна из задач фуруарха – защита интересов государства в лице монархии. Например, это могло быть предотвращение разного рода сепаратизма со стороны провинций, их греко-македонской или иранской элиты, полисного и остального городского населения, склонного к активной политической жизни. Недаром Александр назначал на эти должности представителя гвардии, человека чья личная преданность была доказана в бою, во внутривойсковых батальных, в ходе борьбы за власть и во времена заговоров против царя. Скорее всего, традиция иметь при себе отряд привилегированных воинов наподобие гетайров великого македонского царя сохранилась и при дворе греко-бактрийских правителей. Из среды личной царской охраны могли выходить командиры крупных военных соединений, включая гарнизоны значимых цитаделей.

Одно из важнейших сообщений относительно Греко-Бактрии принадлежит Полибию, выдающемуся представителю греческой культуры. Он при описании войны Антиоха III и Евтидема I рассказывает подробности битвы

на р. Арий (Герируд), произошедшей в 208 г. до н. э. [3, с. 150–151]. Отряд, который выступил против селевкидского царя, состоял из «мириада» всадников. При этом это подразделение атаковало тремя «гиппархиями».

Мириад – это число равное десяти тысячам. Поэтому часто в литературе фигурирует именно эта цифра бактрийских кавалеристов в рассматриваемом сражении.

Возможно, здесь мы встречаемся с некоторым понятием, означающим буквально «множество». Однако, зная, с какой скрупулезностью подходил к выбору информации Полибий, можно говорить о приближенной к реальности цифре.

Второй аспект, который должен быть рассмотрен, касается практики применения отдельных конных корпусов такой численности. Например, нам хорошо знаком термин «тумен», отряд из десяти тысяч всадников в монгольском войске. Известно, что, командиром этого подразделения был туменщик. Конные воины поставлялись определенной территорией в качестве военной повинности местных жителей. Такие соединения могли выполнять отдельные задачи без участия самого правителя государства или главнокомандующего. Действительно, столь внушительные размеры этого конного войска могли нанести ощутимый урон противнику и максимально оперативно совершить маневр.

Исходя из этого, можно предположить, что в Греко-бактрийском царстве была практика сбора внушительных конных войск, которая осуществлялась при активном участии местного населения. Без сомнения, это происходило при деятельном участии иранской аристократии, которая вливалась в офицерский корпус этой части греко-бактрийского войска. Местная знать могла иметь и гражданскую власть в мирное время. При этом «мириад» мог быть названием конного подразделения, приближенного по численности к десяти тысячам. Он формировался из числа бактрийцев и других местных жителей во время боевых действий, что могло быть их воинской повинностью. Так как Полибий описывает их построение во время битвы на р. Арий, как атака «нестройной толпой», т. е. лавой, можно предположить, что их вооружение было легким. Это позволило селевкидским войскам в тяжелом вооружении выдержать натиск. Данное обстоятельство говорит о том, что конные бактрийцы в общей своей массе имели недорогое снаряжение и были не столь зажиточны, чтобы иметь тяжелые доспехи. Лишь часть из них была из высшей аристократии.

Другой вопрос касается понятия «гиппархия», употребленного Полибием. Возможно, его следует переводить дословно как «конный отряд».

С другой стороны, крупное конное подразделение в несколько тысяч не могло не иметь своего отдельного командира. Какой чин они носили, мы точно не знаем. В античном мире слово «гиппарх» часто означало, что его носитель является начальником конницы. При этом часто понятие «гиппарх» не имело прямого соответствия его дословному смыслу. Такое название должности или титула могло принадлежать заместителю командующего или другому лицу, связанному с управлением государством или войсками.

Предводителями гиппархий были и иранцы. При этом они могли быть так же, как и командиры отряда из «мириада» всадников, должностными лицами тех провинций, откуда происходило комплектование этих отрядов.

В IV в. до н. э. в империи Ахеменидов, в том числе во время греко-македонского вторжения под предводительством Александра Великого, персидские сатрапы осуществляли руководство контингентами тех областей, которые находились под их управлением. Некоторые сатрапы подчинялись главнокомандующему, который также имел сатрапию в своем ведении. Так, бактрийцами командовал их сатрап Бесс, например в битве при Гавгамелах.

В дальнейшем эта картина не изменилась. Подчинение Бактрии и Согдианы показало македонскому царю Александру всю значимость этого региона, его стратегическое расположение на границе с кочевниками. Не упраздняя пост сатрапа, он доверяет македонянину Аминте управление Бактрией и Согдианой, а также командование целой армией из десяти тысяч пехотинцев и трех с половиной тысяч всадников. Этого было достаточно для удержания стран Восточного Ирана в повиновении и для обеспечения безопасности в случае вторжения северных варваров [6, с. 115–116, 120–121]. Вряд ли это количество войск могло располагаться в одном месте. Они были расквартированы по крепостям и акрополям городов [7, р. 32].

Само географическое и геополитическое расположение Греко-бактрийской державы располагало к тому, чтобы в руках представителей центрального власти было не только гражданское, но и военное управление. В условиях постоянной обороны границ наместники провинций и их районов должны были организовать защиту вверенных им земель и населения. При этом значительные посты могли занимать пред-

ставители местной элиты. Сатрапы, стратеги, меридархи, фрурархи были не только администраторами, но и военными. Они были не только эллинского, но и индо-иранского происхождения. В период мирного затишья они должны были поддерживать материальную базу подчиненных им войск, совершать маневры, вербовку на службу, а в военный период могли выполнять функции полевого командира [7, р. 46].

Общий вывод можно сделать следующий: в Греко-бактрийском царстве оформилась типично эллинистическая административная система. Она вобрала в себя черты европейской (эллинской) и восточной (иранской) культур. Эти культурные традиции – родственные друг другу, так как относятся к одной изначальной общей культурной ветви индоевропейцев, поэтому они столь органично сочетались друг с другом в социальной, политической, экономической, военной сферах.

Список литературы

1. Страбон. География: в 17 кн. / пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. Москва: Ладомир, 1994. 944 с.
2. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. Москва: Наука, 1980. 416 с.
3. Полибий. Всеобщая история: в 3 т. / пер., вступ. ст. и коммент. Ф. Г. Мищенко; отв. ред. и вступ. ст. А. Я. Тыжова. 2-е изд. Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1995. Т. 2. 424 с.

4. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.

5. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1951. 600 p.

6. Арриан. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеевко, вступ. ст. С. Ю. Трохачева. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 1993. 368 с.

7. Nikonorov V. P. The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD): in 2 vol. Stockport: Montvert Publications, 1997. Vol. 1. 64 p.

References

1. Strabo; Stratanovskii G. A. (transl., introd., comment.); Utchenko S. L. (ed.); Kryuger O. O. (ed.-transl.) Geography: in 17 vol. 2nd ed. Moscow: Ladomir, 1994. 944 (in Russ.).

2. Dandamaev M. A., Lukonin V. G. Culture and economy of Ancient Iran. Moscow: Nauka, 1980. 416 (in Russ.).

3. Polybius; Mishchenko F. G. (transl., introd., comment.); Tyzhov A. Ya. (ed., introd.) Histories: in 3 vol. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1995. 2, 424 (in Russ.).

4. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459.

5. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1951. 600.

6. Arrian; Sergeenko M. E. (transl.); Trokhachev S. Yu. (introd.) Anabasis of Alexander. 2nd ed. Saint Petersburg: Aleteiya, 1993. 368 (in Russ.).

7. Nikonorov V. P. The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD): in 2 vol. Stockport: Montvert Publications, 1997. 1, 64.